

М. В. Ляпон

**Смысловая
структура
сложного
предложения
и текст** *К типологии
внутритекстовых
отношений*

·Наука·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

М. В. Ляпон

**Смысловая
структура
сложного
предложения
и текст** *К типологии
внутритекстовых
отношений*

Ответственный редактор
доктор филологических наук
И. И. КОВТУНОВА

МОСКВА
«НАУКА»
1986

В работе предложена одна из возможных программ изучения сложного предложения как представителя текста, воспроизводящего его существенные характеристики. Соединение высказываний, построенное по образцу сложного предложения, рассматривается как сфера взаимодействия двух начал: нейтрально-информативного и концептуального (квалифицирующего). Представление о природе реляционных единиц, обслуживающих область внутритекстовых отношений, строится на основе категории оценки. Квалификаторы отношений (союзы и их аналоги) представлены как средства прагматической адаптации сообщаемого.

Рецензенты:

М. Г. БЕЗЯЕВА, Т. Г. ВИНОКУР

Мая Валентиновна Ляпон

**СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТ
К типологии внутритекстовых отношений**

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *А.И. Кучинская*. Художник *Н.Н. Якубовская*

Художественный редактор *Г.П. Валлас*

Технические редакторы *И.И. Джиоева, О.В. Аредова*

Корректоры *Л.А. Агеева, О.А. Разуменко*

ИБ № 29346

Подписано к печати 17.12.85. Формат 60 X 90 1/16. Бумага для глубокой печати
Гарнитура литературная (фотонабор). Печать офсетная. Усл.печ.л. 12,5

Усл.кр.-отт. 12,8. Уч.-изд.л. 17,6. Тираж 2150 экз. Тип. зак. 639. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей работе предлагается одна из возможных программ изучения сложного предложения как представителя текста. Априорно принимаемый тезис о том, что сложное предложение есть феномен, воспроизводящий существенные характеристики текста, заслуживает специального обоснования. Схема аргументации этого тезиса сводится к следующему. Разные лингвистические теории могут исходить из разных представлений о своем объекте, но вряд ли подлежит сомнению тот факт, что «доступным наблюдению язык является в форме текста, и еще никогда он не выступал ни в какой другой форме кроме этой»¹. Вместе с тем очевидно и то, что в настоящее время нет более многозначного и противоречивого понятия, чем понятие «текст»². Адекватное представление о сущности текста, по-видимому, должно складываться на основе некоторого и н в а р и а н т а, извлекаемого в результате соотнесения ряда концепций текста как специального лингвистического объекта.

Рассматриваемые ниже четыре концепции текста мы представляем себе как промежуточный этап в процессе поиска такого инварианта.

1. Одни концепции акцентируют результаты в н о с т а т и ч е с к и е свойства текста (текст — есть информация, отчужденная от своего носителя и зафиксированная в виде последовательности высказываний, объединенных смысловой связью; текст — это та единственная форма, в которой язык является доступным наблюдению исследователя).

2. Другие концепции, наоборот, подчеркивают процессуальность текста и рассматривают свой объект в двух аспектах: а) в отношении к реальному производителю (текст — как реализация речевой способности индивидуума); б) в отношении к языковой системе (текст — как «употребление языка», как приведение в действие языкового механизма). Тот и другой подход как бы синтезированы в формулировке Э. Бенвениста: «Высказывание и есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования»³.

3. Некоторые концепции выдвигают на первый план к а у з и р у ю щ е е н а ч а л о, реальный источник текста (текст — как продукт активной⁴

¹ Hartmann P. Text, Texte, Klassen von Texten. — In: Structurelle Textanalyse. N. — Y., 1972, p. 1—22.

² Многозначность понятия «текст» отражается уже в множественности обозначений той области знаний, которая занимается проблемами текста: лингвистика текста, транслингвистика, гиперсинтаксис, суперсинтаксис, дискурсивный анализ, текстуальная грамматика и др., см., например: Hendriks W. O. Essays on semiolinguistics and verbal art. The Hague — Paris, 1973.

³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 312.

⁴ «С точки зрения своего происхождения текст есть реализация и продукт активной языковой деятельности человека» (Hausenblas K. Zu einigen Grundfragen der Texttheorie. — Probleme der Textgrammatik, II. Berlin, 1977, с. 147). Согласно этой концепции, воспроизведение текста на чужом или родном языке вне коммуникативного намерения (например, — с учебной целью, как упражнение для развития

речевой деятельности человека). Смысл этой активности заключается не только в двусторонней заинтересованности: стремление извлечь информацию (позиция воспринимающего) столь же характерно, как и намерение ее передать (позиция говорящего, пишущего, автора). Понятие «коммуникативный эффект» утрачивает смысл, если автор информации не ориентируется на то, что сообщаемое будет 1) воспринято; 2) осмыслено (интерпретировано); 3) послужит поводом для ответной реакции⁵. Оптимальный образец «активной» речевой ситуации можно наблюдать, по-видимому, тогда, когда речевое общение осуществляется в соответствии с «принципом сотрудничества»⁶.

4. И, наконец, с т р а т и ф и к а ц и о н н а я концепция рассматривает текст как наивысший уровень языковой системы, выполняющий особую роль в коммуникативном процессе. Сторонники такого подхода подчеркивают целесообразность разграничивать, с одной стороны, «текст — реализацию», с другой стороны, — текст как абстрактно-теоретическую категорию (Text in potentia, Text in abstracto), аналогично тому, как поступает лингвистика со всеми другими образованиями дотекстового уровня⁷. Интересно, что при попытке сформулировать адекватное представление о тексте мы сталкиваемся с одной трудностью, которая, как нам кажется, весьма показательна: даже если исходить из наиболее «статической» и «отчужденной» его концепции (текст — зафиксированный в виде последовательности высказываний результат функционирования языковой системы), представить природу текста в отрыве от его живого источника, от его реального производителя — ч е л о в е к а — удастся с трудом.

речевых навыков) рассматривается только как реализация речевой способности или как воспроизведение языковой структуры, но не речевая деятельность, имеющая активный характер. «Язык не „исполняется“ в речи подобно тому, как симфония исполняется в игре музыкантов. Исполнение симфонии воспроизводит всякий раз данное музыкальное произведение, сохраняющее свое тождество, несмотря на различие интерпретации и промахи отдельных исполнителей... Целью речевого общения является не „исполнение“ языка, не прямое или косвенное воспроизведение его структуры, а осуществляемое при посредстве языка сообщение, речевая коммуникация» (Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 97).

⁵ Тезис о динамическом взаимодействии двух активных начал в процессе речевого общения — один из ключевых в лингвистической концепции М. М. Бахтина. «Всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» (Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. — В кн.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 246), «В лингвистике до сих пор еще бытуют такие ф и к ц и и, как „слушающий“ и „понимающий“ (партнеры „говорящего“), „единый речевой поток“ и др. Эти фикции дают совершенно искаженное представление о сложном и многосторонне-активном процессе речевого общения (разр. наша. — М. Л.). В курсах общей лингвистики (даже и в таких серьезных, как де Соссюра) часто даются наглядно-схематические изображения двух партнеров речевого общения — говорящего и слушающего (воспринимающего речь), дается схема активных процессов речи у говорящего и соответствующих пассивных процессов восприятия и понимания речи у слушающего» (там же, с. 246). Рассматривая проблему «фактор адресата» в ее различных модификациях, Н. Д. Арутюнова отмечает, что функция адресата не сводится к роли слушающего, т. е. не замыкается восприятием и интерпретацией сообщения; оппозиция «автор — адресат» органически связана с оппозицией «коммуникативный стимул — ответная реакция» (Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. — Изв. АН СССР. СЛЯ, 1981, т. 40, № 4, с. 359).

⁶ См.: Арутюнова Н. Д. Указ. соч., с. 358.

⁷ См., например: Daneš F. Zum Status der Textebene. — In: Probleme der Textgrammatik, II. Berlin, 1977, с. 153—157; Hausenblas K. Op. cit., с. 149—151.

Человеческий фактор, оказавшись в фокусе внимания современной лингвистики, способствует актуализации программы «прагматика — семантика — синтаксис», что означает смену иерархий и преодоление формального подхода к изучению языка. «Прагматический подход открывает широкие перспективы в анализе языковых средств, побуждая обращать внимание на важные явления, которым в традиционной грамматике не уделялось должного внимания»⁸. Понятие прагматика оказалось неотъемлемой составной частью концептуального аппарата современной лингвистики. Это произошло, по-видимому, потому, что компетенция лингвистики XX в. определялась под влиянием двух тенденций: с одной стороны, тенденции исследовать язык как совершенно специфический объект, развивающийся по своим имманентным принципам и закономерностям, и, с другой стороны, — тенденции превратить лингвистику в «интердисциплину», обогащенную данными других антропологических наук⁹.

Вместе с тем «прагматика является одним из тех слов, которые создают впечатление, что их содержание весьма определено, хотя это не соответствует практике их употребления. На самом деле она представляет собой область лингвистических исследований без каких-либо четких границ; ни один исследователь в настоящее время не возьмет на себя смелость заявить, что он знает, что является и что не является прагматическим в исследовании языка»¹⁰. Неопределенность положения прагматики выражается уже в неоднозначном осмыслении границ и задач той области знаний, в лоне которой она возникла (прагматика — раздел семиотики¹¹; прагматика — ветвь философии языка¹²; прагматика — одна из составных частей науки о сигнализации¹³).

⁸ Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи. — Иностр. яз. в шк. М., 1982, № 5, с. 13.

⁹ Kořenský J. Zur pragmatischen Orientierung der gegenwärtigen Sprachwissenschaft. — *Linguistica X. Text and the pragmatic aspects of language*. Praha, 1984, с. 1.

¹⁰ Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984, с. 6.

¹¹ «Прагматика — ветвь семиотики (или лингвистики), специально занимающаяся использованием (потребителем) знаков» (Черри К. Человек и информация. М., 1972, с. 350).

¹² «Слово прагматика в работе Ч. Морриса использовалось для обозначения той ветви философии языка, в которой наряду с лингвистическими выражениями и объектами, обозначаемыми этими выражениями, внимание обращается и на тех, кто использует эти выражения, и на возможные ситуации их использования. Две другие ветви — синтаксис и семантика, рассматривающие соответственно выражения сами по себе и выражения вместе с их значением, — были во времена Морриса довольно основательно развиты, первая — целым рядом авторов, вторая — в работе Тарского» (Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика. — В кн.: Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981, с. 223).

¹³ «В программе по изучению сигнализации, намеченной в 30-е годы Моррисом, были поставлены три основных проблемы: отношение знаков друг к другу, отношение знаков к десигнатам и отношение знаков к агентам. Рассматриваемые как предметы трех наук (синтактики, семантики и прагматики), эти отношения, по мысли Морриса, в своей совокупности могли бы составить сложный предмет науки о сигнализации, в отличие от лингвистики, которая, сознательно отвлекаясь от процесса, изучает только его результат — сигнал» (Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала. — В кн.: Структурно-типологические исследования. М., 1962, с. 144).

Неоднозначность представления о прагматическом аспекте изучения языка объясняется, по-видимому, «междисциплинарным положением» самой прагматики. «Прагматика в ее нынешнем состоянии представляет собой междисциплинарную проблемную область, в которой «задействованы» практически все лингвистические, многие логико-философские, социологические, психологические, этнографические и некоторые кибернетические (связанные с созданием систем искусственного интеллекта) направления. Интерес к прагматике во многом определяется тем, что в ее рамках обеспечивается возможность проведения содержательного диалога между представителями различных областей знаний»¹⁴. Многофакторность прагматики и широкий диапазон соответствующих этому понятию языковых явлений¹⁵ приводит к тому, что применение термина «прагматика» в современной лингвистической литературе становится малоинформативным¹⁶, что вызывает, в свою очередь, стремление преодолеть абсолютизацию прагматики и сохранить лингвистическую полезность соответствующего термина.

Проблема «человек в языке» объединяет исследовательские интересы прагматики с такими разделами науки о языке, как психолингвистика, социолингвистика, теория коммуникации, риторика, стилистика, в рамках которых «человеческий фактор» уже имеет длительную историю изучения¹⁷. Интегрирующее действие человеческого начала приводит к тому, что автономность прагматики в ряду выделенной Ч. Моррисом триады «прагматика — семантика — синтаксис» становится все более условной. Прагматика движется навстречу семантике¹⁸, обогащая наши знания о смысловом и функциональном потенциале языковых единиц и преобразуя методы синтаксических исследований; составляющие триады наполняются специальным лингвистическим смыслом¹⁹.

¹⁴ Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики, с. 13.

¹⁵ См., например: *Степанов Ю. С.* В поисках прагматики. (Проблема субъекта). — Изв. АН СССР. СЛЯ, 1981, т. 40, № 4; *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики. — Там же; *Арутюнова Н. Д.* Указ. соч.

¹⁶ Одна из крайностей, к которым приводит абсолютизация прагматики, отмечена Т. В. Булыгиной: «Некоторые думают, что заниматься прагматикой значит просто заниматься лингвистикой и наоборот, полагая таким образом, что прагматический аспект нельзя ни отделить от лингвистики, ни отложить до лучших времен, ни добавить в качестве самостоятельного компонента. Такой подход означает, что «прагматика — это далеко не аспект лингвистического исследования, это самая его сущность» (*Булыгина Т. В.* Указ. соч.).

¹⁷ «Можно сомневаться в том, что лингвистическая прагматика существует в настоящее время в качестве самостоятельного и целостного направления с четко очерченной и принимаемой всеми программой исследования. Речь скорее может идти о нескольких различных... течениях... объединенных лишь самым общим представлением относительно необходимости учитывать в лингвистическом исследовании человеческий фактор» (*Булыгина Т. В.* Указ. соч., с. 333).

¹⁸ «Понимание языка как вида человеческой деятельности, или „формы жизни“, связало категории значения с понятием целенаправленности и намеренности, характеризующими речевой акт, и повело к развитию прагматических теорий значения... Если одни прагматические теории связывают значение прежде всего с говорящим субъектом и его коммуникативными намерениями, то другие переносят акцент на отношение языковых знаковых выражений к адресату» (*Арутюнова Н. Д.* Теория значения и семантическая специфика единиц языка. — В кн.: Проблема значения в современной лингвистике. Тезисы симпозиума. Тбилиси, 1977, с. 9).

¹⁹ Вопрос об отношении «семиотической триады» Ч. Морриса к традиционным понятиям «синтаксис», «морфология», «значение» рассматривается Я. Корженским;

Осмысление специфики прагматического подхода к языку, по-видимому, во многом зависит от того, какое содержание вкладывается в понятие «фактор адресата»²⁰. Даже в рамках широко распространенного понимания прагматики как изучения отношений между знаками и их пользователями, представление о «параметрах» адресата и о его функции в коммуникативном акте может принципиально различаться. Иллюстрацией «окололингвистического» толкования «адресата» служит, например, следующее рассуждение: «Прагматические вопросы нельзя обсуждать в рамках синтактики или семантики. Рассмотрим такой простой пример. В спортивной колонке газеты может появиться следующее сообщение: *Сандаун парк. 3:30, Тиши. 4 длины (счет 7/1)*. Такое сообщение можно рассматривать синтаксически, как совокупность знаков, или семантически, где знаки означают места, предметы, события и т. п. Но прагматические аспекты сообщения зависят от каждого индивидуального читателя газеты. Последствия этого сообщения, например, зависят от того, кто «вы» и поставили ли вы на какую-нибудь лошадь на скачках. Прагматические свойства любого сообщения зависят от прошлого опыта отправителя или получателя, от их нынешнего положения, от состояния их мыслей и от всех других обстоятельств, имеющих отношение к ним, как индивидам»²¹. С другой стороны, если отвлечься от конкретных обстоятельств индивидуального восприятия, «фактор адресата» можно представить как лингвистическую сущность, обладающую достаточно высоким уровнем абстракции²².

Модификация задач и направлений лингвистической прагматики подсказывается ассоциативным потенциалом понятия «интерпретатор». Напомним, что у самого Ч. Морриса, с именем которого связано возникновение термина «прагматика», этим словом обозначается наука об отношении знаков к их толкователям (интерпретаторам)²³. Принцип коммуникативного сотрудничества предполагает, что функцию интерпретатора

см.: *Kořenský J.* Op. cit., с. 1—21; *Idem.* Pojmy «sémantika», «syntax», «pragmatika» ve vztahu k funkční hierarchizaci sémantických a gramatických prostředků jazyka. — In: *Otázky slovanské syntaxe*, IV/1. Brno, 1979, с. 39—45.

²⁰ Полифункциональность этого фактора рассматривается в статье Н. Д. Арутюновой «Фактор адресата».

²¹ *Черри К.* Указ. соч., с. 260. Аналогичное представление о факторах, определяющих прагматическое значение, развивается в курсе «Общее языкознание» (Минск, 1983): «Прагматический аспект значения слова характеризуется отношением материальной оболочки слова к конкретному носителю языка, использующему это слово. Дело в том, что каждый говорящий вкладывает в употребляемые им слова содержание, которое не во всем и не всегда совпадает с общепринятым (словарным) значением слова и с представлением слушающего о реалии, обозначенной этим словом. Прагматическое значение зависит от мировоззрения, возраста, образования, профессии и других особенностей говорящего, поэтому часто непонимание при общении людей происходит именно из-за факторов, обусловленных прагматическим значением. Посредством прагматического значения в слове коннотируется дополнительная семантическая информация» (с. 184—185).

²² Лингвистическое содержание понятия «фактор адресата», по-видимому, может быть выявлено, если соотнести его с такими понятиями, как «воспринимающий объект», «модель этого объекта», «реальный объект», «идеальный объект». Эти понятия в контексте таких проблем, как «субъект и объект как полюса знакового поля», «субъективная ситуация создания текста», «текст как единовременный акт поведения автора» рассматриваются А. М. Пятигорским (Указ. соч., с. 144—154).

²³ «By pragmatics is designated the science of the relations of signs to their interpreters» (*Morris Ch. W.* Foundations of the theory of signs. — In: *International encyclopedia of unified science*. Chicago, 1938, vol. 1, N 2, с. 30).

выполняют и адресат и отправитель информации²⁴. Неотъемлемым «параметром» интерпретатора является эвристическая активность, связанная с процессом реализации коммуникативного замысла (функция говорящего) и его декодированием (функция адресата). При таком подходе объектом лингвистической прагматики прежде всего должны стать такие языковые единицы, в смысловой структуре которых отражена эвристическая активность участников коммуникации²⁵.

*

*

*

Очевидно, человеческий фактор (а именно интерпретатор), являясь реальным актантом текста, определяет не только внутреннюю логику текста вообще (как абстрактной категории), но и внутреннюю логику любого его коммуникативно завершенного отрезка. Таким отрезком является прежде всего высказывание (простое или сложное, — соединение элементарных высказываний). Осознаемость высказывания как реальной единицы текста подтверждается уже самым поверхностным представлением о нем. Ср. формулировку, которую дает Ю. С. Степанов, сознательно не прибегая «в первом приближении» к понятию «пропозициональная функция»: «Если не гнаться сейчас за особой точностью, то высказывание можно определить как то, что в звучащей речи заключено между паузами достаточной длины, а в речи письменной — между точками. Чаше всего высказывание — это предложение»²⁶.

Если считать, что сложное предложение (сложное высказывание) есть результат осмысленного соединения двух или более относительно завершенных (коммуникативно значимых) отрезков информации, в его структуре следует искать отражение существенных характеристик текста как особой лингвистической категории. Ориентация на фактор «активная речевая деятельность» помогает увидеть в последовательности высказываний прежде всего произведение мыслящего субъекта²⁷. Если «язык — это не только орудие общения, но также орудие формирования и эксплицирования мысли»²⁸, то коммуникативно завершенный отрезок (представитель текста) должен прямо или косвенно отразить некоторые ключевые свойства

²⁴ «Вряд ли мы погрешим против истины, если скажем, что есть две прагматики: прагматика коммуникатора и прагматика реципиента. Коммуникатор, создающий текст, одновременно является интерпретатором как своего собственного текста, так и множества разнообразных текстов, толкуемых им в духе времени, ситуации, определенного языкового контекста, определенной языковой подсистемы и т. д. Коммуникатор, отдающий себе отчет в возможной двусмысленности толкования своего сообщения, либо сам запрограммирует эту двусмысленность, либо постарается ее снять» (*Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информативности*. — В кн.: *Речевое воздействие*. М., 1972, с. 34—35).

²⁵ «Существует огромное количество языковых единиц, в содержание которых наряду с „семантическими“... элементами инкорпорированы „прагматические“... элементы, и немало таких единиц, содержание которых имеет исключительно „прагматическую“ природу» (*Булыгина Т. В. Указ. соч.*, с. 340).

²⁶ *Степанов Ю. С. В мире семиотики*. — В кн.: *Семиотика*. М., 1983, с. 8.

²⁷ Язык и сознание «сопряжены между собой таким образом, что деятельность сознания необходимо сопровождается деятельностью языка, выливаясь в единый, хотя и сложный по своей внутренней структуре, речемыслительный процесс» (*Кацнельсон С. Д. Указ. соч.*, с. 110).

²⁸ Там же.

человеческой психики, неразрывно связанные с речевой деятельностью: 1) во-первых, способность противопоставлять «Я» и «не-Я», т. е. отграничивать субъективный фактор от объективного (а также — концептуальный момент информации от ее объективированного содержания); 2) во-вторых, эвристическую потребность и способность производить умозаключения. Второе свойство выражается прежде всего в умении распознавать истинное и ложное, а также — в способности устанавливать связь между фрагментами действительности и квалифицировать эту связь (детерминировать ее характер).

Среди аргументов, подтверждающих текстовые свойства сложного предложения, в первую очередь заслуживает внимания то, что именно сложное предложение оказывается точкой приложения мыслительной активности²⁹ субъекта — участника акта коммуникации, выступает ли он в качестве говорящего (автора) или в качестве слушающего (воспринимающего информацию). Уже сам по себе выбор связующего средства, с помощью которого инициатор сообщения соединяет фрагменты информации, когда он строит высказывание в форме сложного предложения, есть не что иное как операция умозаключения, поскольку этот выбор предопределен тем выводом, к которому говорящий приходит, оценивая и квалифицируя отношения между соединяемыми фрагментами, т. е. подвергая информацию специальной логической обработке³⁰.

Сложное предложение как бы фиксирует в своей структуре субъективно-рефлектирующее начало, «концепцию» говорящего лица, так или иначе оценивающего связь между фрагментами сообщаемого³¹. Этим определяется и особое место сложного предложения в стратификационной иерархии синтаксических единиц (его непосредственная ориентация на фундаментальную — коммуникативную — функцию языка), и специфика модальной квалификации сообщаемого «в условиях» сложной конструкции (реальность или ирреальность сообщаемого перекрывается здесь субъективно-прагматической поправкой, которая корригирует «объективную» модальность событийного материала).

Выступая, с одной стороны, как знак отношения, сложное предложение, с другой стороны, заключает в себе своего рода «контекстуальный квант», ограниченный собственными рамками. Информативное наполнение («событийный материал»), представляющее собой относительно автономную

²⁹ «В процессе понимания высказывания слушающий не просто „декодирует“ языковые структуры говорящего, но осуществляет более широкий процесс анализа и вывода, имеющий общие элементы с процессом, используемым при осмыслении и других данных восприятия» (Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, вып. XII, с. 134).

³⁰ Показатель связи (союз или его аналог) является «главным членом» сложного предложения. «Конституирующая роль показателя связи в сложном предложении сопоставима с ролью сказуемого в простом предложении: это конструктивная вершина, структурный центр сложной конструкции» (Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979, с. 16).

³¹ Оценочные свойства квалификатора согласуются с моментом результативности, отраженным в его семантике. «Знак является означающим, или десигнативным (designative), если он означает наблюдаемые свойства окружения или действующего лица; оценочным (appraisive), если он означает завершающие (consummatory) свойства того или иного объекта или ситуации, и, наконец, знак является предписывающим (prescriptive), если он означает, как надо реагировать на объект или ситуацию» (Моррис Ч. У. Из книги «Значение и означивание». — В кн.: Семиотика, с. 121).

(от непосредственного экспликатора отношения) «содержательную зону» сложного предложения, является значимым, по крайней мере, с двух точек зрения: 1) во-первых, как источник информации о тех внутренних «силах», которые участвуют в формировании «закулисных» смысловых связей и отношений «второго плана», т. е. как «к о н т е к с т у а л ь н ы й» ф а к т о р о т н о ш е н и я; 2) во-вторых, как источник информации о разных аспектах смысловой структуры каждой из соотнесенных ситуаций. Смысловая структура сложного предложения формируется, таким образом, как координация (взаимодействие) трех факторов, трех семантических составляющих: 1) квалификатор отношения; 2) контекстуальный фактор отношения; 3) семантическая структура частей. Эти составляющие по-разному соотнесены друг с другом.

Сформулированным представлением об объекте достаточно эксплицитно «подсказаны» основные направления поиска. Изучение информативного фона (в качестве второго и третьего фактора) в его отношении к семантике квалификатора выдвигает проблему с е м а н т и ч е с к и х с о п р и к о с н о в е н и й. Основная задача — выявить закономерности наложения, контаминации (1) контекстуально-мотивированных связей и (2) отношений, эксплицируемых квалификатором; определить ограничения их совместимости, сосуществования³².

Типология внутритекстовых отношений в рамках предлагаемого здесь подхода мыслится как совокупность следующих проблем-составляющих:

1) Изучение денотативных характеристик ситуаций, образующих «событийный материал» сложного предложения; установление зависимости между смысловой структурой ситуации и (1) ее совместимостью с логико-семантическим отношением того или иного типа (экзистенциальность и сравнение, идентификация и временные отношения и т. п.); (2) ее корреляцией с однотипной / разнотипной ситуацией под знаком того или иного квалификатора («ситуация = факт» + «ситуация = процесс» при сравнении, при временных отношениях и т. п.). Специальное внимание должно быть обращено на противопоставление фрагментов информации (1) ситуативно ориентированных (соотносимых с понятием «ситуация» в узком смысле слова, т. е. причисляемых к классу фактов, событий, состояний) и (2) ситуативно не ориентированных (квалифицирующих, концептуально-оценочных). В результате наблюдений могут быть намечены схемы соединения семантических структур, возможные и невозможные при том или ином квалификаторе.

2) Разграничение семантических признаков информативного фона, имеющих о б л и г а т о р н ы й х а р а к т е р для данного квалификатора (например, правила временной координации частей при союзах *когда* и *пока*), и ф а к у л ь т а т и в н ы е с м ы с л ы, которые в принципе совместимы с ним (не противоречат его семантике).

³² Например, в рамках временной зависимости при союзе *прежде чем* подтекст главной части может содержать аргумент, мотивирующий нецелесообразность, неоправданность ситуации, о которой сообщается в придаточной: *Прежде чем осуждать Тредьяковского, надо все-таки вспомнить ту ужасную школу жизни, которую ему пришлось пройти, то положение шута, которым он всю жизнь состоял.* (А. Луначарский). Для «извлечения» такого рода смысловых компонентов необходимо перефразирование, перестройка информации: *Не следует осуждать Тредьяковского, ведь/потому что ему пришлось пройти ужасную школу жизни и всю жизнь состоять в положении шута.*

3) Интерпретация отношений того или иного типа с точки зрения определяющего принципа их устройства (как целостных систем)³³. Выявление ассоциативных линий, связывающих реляционные единицы одной группы с реляционными единицами другой группы.

4) Дифференциация отношений по степени их «ответственности» за «окончательный» прагматический смысл сообщаемого. Отношения, имеющие нейтрально-ассоциативный характер (соединительные, сопоставительные), по своему смысловому объему противопоставлены отношениям семантически специализированным с ярко выраженным квалифицирующим потенциалом (причина, цель, следствие, временное соприкосновение и т. п.). При выявлении семантического потенциала отношения того или иного типа возникает проблема «соизмеримости» их внутреннего устройства.

5) Выявление реального фонда квалификаторов-соединителей, их семантическая интерпретация и сравнение с диапазоном контекстуально-мотивированных (фоновых) отношений. Последние могут быть семантически аналогичны типичным реляционным значениям, т. е. значениям, закрепленным за союзными средствами, или совпадать с ними (сравнение, противительность, противопоставление, причина, цель, уступительность и др.). Вместе с тем за пределами союза могут просматриваться отношения, не соотносительные с теми, носителями которых оказываются функционирующие в языке реляционные средства, например, отношения тождества, включения, разные виды конкретизации и связанные с ней расхождения в объемах обозначаемых ситуаций (сужение — расширение)³⁴ и другие логико-смысловые отношения, которые обычно относят к сфере текст-организующих.

6) Дифференциация факторов, способствующих (а) актуализации или, наоборот, (б) угасанию (ослаблению, редукции) смысловой доминанты, эксплицируемой квалификатором, а также изучение причин, вызывающих ее (в) преобразование, семантическое перерождение³⁵. Поиск контекстуальной среды, «подтверждающей» семантическую доминанту квалификатора.

³³ Например, система временных отношений обычно воспринимается как максимально объективированная, построенная без вмешательства субъективного начала: Событие А имеет место *до того как* (*после того как*, *прежде чем*, *с тех пор как*, *когда*, *пока*) имеет место событие Б. Временные отношения дифференцируются в грамматиках по признаку «одновременность — неодновременность». Между тем этот принцип может выступать здесь как нейтральный фон, который перекрывается вмешательством рефлектирующего начала. В сфере отношений предшествования существует специальный союз, который используется в тех случаях, когда говорящий не просто квалифицирует последовательность событий, но намерен подчеркнуть, что с его точки зрения, последующая ситуация внезапна, неожиданна: Я стал уже засыпать, как вдруг услышал шорох (Гончаров).

³⁴ Пример отношений типа «общее — частное» под знаком временного квалификатора: На рубеже 80-х годов духовное развитие Толстого завершилось его прозрением, когда ему стали «ясны все сложные, разрозненные и бессмысленные явления жизни» и открылась ужасная несправедливость «наилучших условий жизни» (С. Розанова). В подобных условиях временная семантика союза «подавляется» конкретизирующим, комментирующим характером второй ситуации по отношению к первой.

³⁵ Ср., например, дезактуализацию целевого значения у *чтобы*: Нужно быть Флобером, *чтобы* ваша температура подскочила при описании лихорадки; нужно быть Горьким, *чтобы* описывая место, где героя прокалывают ножом, закричать от боли и увидеть красную полосу на своем теле (журн.). В подобных условиях акцентируется высокая степень адекватности «открываемого» признака именно данному его носителю.

Соотнесение понятий «контрольный контекст» и «гармонирующий контекст»³⁶.

7) Выявление факторов, определяющих информативную ценность сообщаемого при соединении высказываний (актуализирующая функция момента речи³⁷, фактор адресата и его «участие» в формировании смыслового потенциала квалификатора; прагматические аспекты квалификации; метаязыковые свойства реляционных единиц).

Исследовательскую часть предлагаемой вниманию читателей книги автор рассматривает как частичную реализацию намеченной в пп. 1—7 программы-максимум. Эмпирический материал, используемый в работе, — соединение высказываний, построенное по образцу сложного предложения с союзной связью частей.

³⁶ Например, чтобы доказать, что элемент прерванности, выделяющий союз *пока не* (*до тех пор, пока не*) в ряду его синонимов со значением предшествования, не «приписывается» ему контекстом, необходимо продемонстрировать употребление этого союза в специальном («стерильном») контексте, в условиях семантического разобщения, — т. е. там, где контекст никак не поддерживает сему прерванности. Условия контраста создаются при комбинации глаголов несов. вида: Игра длилась *до тех пор, пока* все костяшки не переходили в одни руки (Куприн). Ср.: 'игра длилась до тех пор пока костяшки не *перешли* в одни руки' (значение прерванности поддерживается глаголом соверш. вида).

³⁷ «Одним из проявлений органически присущей языку „субъективности“ является особый статус так называемого момента речи, в котором наглядно проявляется взаимодействие грамматического, объективного и субъективного времени в эмпирических условиях любого акта коммуникации. Акт речевой деятельности (шире — языковой коммуникации) является событием и, следовательно, имеет временные координаты, в то же время этот акт определяет точку отсчета, наиболее релевантную для участников коммуникации» (Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982, с. 127).

ПРИРОДА РЕЛЯЦИОННОГО ЗНАЧЕНИЯ И ВНУТРЕННЯЯ РЕФЛЕКСИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

§ 1. «Один из недостатков большинства подходов к созданию грамматики связного текста... заключается в том, что некоторые основные проблемы априори считаются решенными, тогда как их еще предстоит решить, для того чтобы можно было всерьез говорить об особой грамматике текста»¹. Сказанное прямо относится к проблеме реляционных единиц, обслуживающих систему отношений в сложном предложении и функционирующих за его пределами, — в сфере текста. Речь идет о модальных единицах, союзах, частицах, наречиях, а также о разного рода прагматических корректорах, подключаемых к союзам или самостоятельно выступающих в роли соединителей. Грамматика, в компетенцию которой входит определение категориально-грамматического статуса (морфологических признаков и основных синтаксических функций) таких единиц, не интересуется тем «вкладом», который они вносят в реализацию коммуникативного замысла говорящего. Между тем адекватное освещение этой проблемы позволило бы ответить на вопрос, почему список реляционных единиц, которыми располагает естественный язык для осуществления текстообразования, далеко выходит за пределы списка классических союзов.

В атмосфере всеобщего интереса к семантике, характерного для современной лингвистики, служебные элементы языка, т. е. именно та сфера, которая является носителем релятивности «в чистом виде»², продолжает оставаться в состоянии «научно-исследовательской неопределенности»³. Негативные характеристики (исследователи обычно акцентируют неизменяемость, незначительность, асемантичность этого класса слов) не дают адекватного представления об их знаковой природе и не раскрывают смысл понятий «реляционность», «релятивность». Представление о понятийном содержании служебных слов колеблется от признания их близости к знаменательным словам до полного отрицания их лексического статуса (вплоть до отождествления с морфемой⁴ или флексией).

¹ Ван Дейк Т. Вопросы прагматики текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. VIII, с. 259.

² Реляционность (релятивность) — свойство, обнаруживаемое у единиц, принадлежащих к разным уровням языковой системы и обладающих разными категориально-грамматическими признаками. «Под реляционным значением в широком смысле понимается любое лексическое значение, в состав которого входит реляционный компонент... Выступая в чистом (или по крайней мере менее осложненном) виде в классах союзов, предлогов и некоторых глаголов, реляционное значение охотно объединяется с другими типами значения в классах прилагательных, существительных и глаголов» (Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 234).

³ Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Докл. советской делегации. М., 1968, с. 106.

⁴ Например Ж. Вандриес относит союзы, частицы и предлоги к классу морфем, называя их «грамматическими орудиями» и противопоставляя словам в строгом смысле слова (Вандриес Ж. Язык. М., 1937, с. 114—132).

Обсуждение этого вопроса в контексте таких проблем, как однозначные — неоднозначные слова, знаменательные — незнаменательные классы слов,⁵ не приводит к удовлетворительным результатам, по-видимому, из-за условности самих терминов «неоднозначность», «незнаменательность» и относительности соответствующих оппозиций⁶.

Определение знаковой природы и функциональной сущности релятивов в значительной мере затрудняется неоднозначностью их категориального статуса и уровневой принадлежности: например, союзы и их аналоги, обслуживая, в первую очередь, сферу синтаксиса в качестве связующих средств в рамках предложения и за его пределами, в то же время обладают смысловым потенциалом, что делает их полноправными единицами словаря.

Проблема лексического статуса реляционных единиц требует специального серьезного исследования. Например, вопрос о том, репрезентировано ли слово такими «сцеплениями», как *вопреки тому что; подобно тому как; с тем чтобы; с тех пор как; прежде чем; как будто; а то; тем более что; все равно как если бы; между тем как* и т. п., является только одним из составляющих этой сложной и многоаспектной проблемы. Несмотря на внешнюю нецельнооформленность⁷, они функционируют в языке как целостные реляционные единицы. Решая вопрос о лексическом статусе реляционных единиц, нельзя забывать о том, что сама «проблема отдельного слова и его границ принадлежит к числу вечных проблем языкознания»⁸.

⁵ См., например: *Леденев Ю. И.* О характере коммуникативной знаменательности неоднозначных слов. — В кн.: Русский язык. Материалы и исследования. Ставрополь, 1971, с. 23—35; *Он же.* О конверсионной омонимии неоднозначных слов. — В кн.: Русский язык. Ставрополь, 1969, с. 16—40; *Киселев И. А.* К вопросу о характере и уровнях лексической знаменательности и синтаксической значимости частиц. — В кн.: Семантика языковых единиц. Минск, 1984, с. 53—62; *Крейдлин Г. Е.* Служебные и строевые слова. — В кн.: Семантика служебных слов. Пермь, 1982, с. 106—113.

⁶ Терминологической условностью оказывается и сам термин «служебные слова», — в тех случаях, когда этот класс слов исключается из системы частей речи (см.: *Суник О. П.* Общая теория частей речи. М.; Л., 1966, с. 46.).

⁷ Еще менее отвечают принципу цельнооформленности двухместные союзные сцепления и их функциональные аналоги, образующие продуктивный массив в сфере связующих средств русского синтаксиса, — такие, как *хотя... но (правда... но, пускай... но и т. п.); очевидно... но (конечно... но, действительно... но и т. п.); либо/либо... но (так или иначе... но, может быть... но и т. п.); если не... то по крайней мере (если не... то во всяком случае и т. п.); если... значит (если... стало быть и т. п.); не только... но и т. п.; если... то (в сопоставительной функции); стоило... как; достаточно... чтобы; не успел... как вдруг; не прошло... как; что касается... то и т. п.* Об отношении служебных единиц сложной структуры к слову см., например: *Рогожникова Р. П.* Структурные типы служебных слов (предлоги, союзы) в толковых словарях русского языка. — В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1975; *Она же.* Служебные слова и принципы их лексикографического описания. Автореф. докт. дис. М., 1974; *Черемисина М. И.* Союз как лексическая единица языка (лексема или функция?). — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972, 38.

⁸ *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963, с. 128. Ю. И. Леденев, рассматривая применительно к неоднозначным словам такие признаки слова, как «сегментная выделяемость, отделяемость, перемещаемость, лексико-семантическое значение, грамматическое значение, форма и оформляемость, сочетаемость, замещаемость, способность к фразеологизации, потенциальная способность функционировать в роли предложения», считает, что с точки зрения этого набора признаков неоднозначные слова являются «некомплексными» (*Леденев Ю. И.* Состав и функциональные

Компромиссное решение вопроса об уровневой принадлежности релятива отражено в обозначении «грамматическая лексема», которое часто применяют по отношению к служебным словам. При этом вопрос о соотношении чисто грамматического и семантического начал в служебном слове до сих пор остается предметом острой дискуссии⁹. Адекватное описание функциональной специфики релятива требует внимания одновременно к разным аспектам «грамматической лексемы». Такое описание удастся, по-видимому, тогда, когда в нем органически совмещаются лексикологический и грамматический анализ¹⁰.

Представление о понятийной (внутренней) стороне релятива осложняется также неоднозначностью существующих в лингвистике теоретических осмыслений проблемы референции. Если принять точку зрения, согласно которой в сфере означаемого существуют только идеальные референты («Пользуясь языком, мы передаем информацию не прямо о (внеязыковой) действительности, а о ее идеальных отражениях... Именно эти идеальные отражения суть референты языковых знаков»¹¹), то релятив окажется самой убедительной иллюстрацией этого тезиса. Абстрактный («идеальный») характер его означаемого не требует доказательств, поскольку реляционная единица репрезентирует особый тип значения: внутренняя сторона этой единицы содержит информацию об отношении¹².

Понятие «отношение», достаточно адекватно характеризую содержательную сторону релятива, обладает вместе с тем потенциальной двой-

особенности класса неполнозначных слов в современном русском литературном языке. — В кн.: Неполнозначные слова. Ставрополь, 1974, вып. 1, с. 34.

⁹ См., например: Федоров А. К. Система подчинительных союзов в современном русском языке. Автореф. докт. дис. М., 1972; Брутян Л. К проблеме значения грамматических союзов. — Вестн. общественных наук АН Армянской ССР, 1976, № 11; Прияткина А. Ф. Об отличии союза от других связующих слов. — РЯШ, 1977, № 4; Вахтель Н. М. Условия употребления семантических подчинительных союзов. — В кн.: Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях. Воронеж, 1978; Богуславский И. М. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1979; Крейдлин Г. Е. Служебные слова в русском языке (Семантические и синтаксические аспекты их изучения). Автореф. канд. дис. М., 1979.

¹⁰ Опыт такого анализа является, например, монография Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» (М., 1960).

¹¹ Вардуль И. Ф. Об идеальных языковых референтах. — В кн.: Проблемы синтаксической семантики. М., 1976, с. 18. Ср. также: «Из того, что языковой референт, т. е. референт языковой единицы, находится за пределами обозначающей его единицы... не следует, что он совпадает с действительностью. Хотя к использованию языка в конечном счете всегда побуждает действительность, семантические единицы передают информацию не непосредственно о ней. Их референты — объекты идеальные, не материальные... Особенность языкового референта как идеального объекта с позиции собственно лингвистики можно пояснить так: референт существует лишь постольку, поскольку существует соответствующая языковая единица, и лишь в том смысле, что о нем может быть передана информация. Референт, иными словами, подобен носителю названия» (Он же. Семантике должна предшествовать предсемантика. — В кн.: Вопросы семантики. М., 1971, с. 42—43).

¹² Ср. представление А. И. Смирницкого об «идеальной» (внутренней) стороне языкового знака: значение слова, по мысли А. И. Смирницкого, представляет собой «известное отражение предмета, явления или отношения... входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» (Смирницкий А. И. Значение слова. — ВЯ, 1955, № 2, с. 89).

ственностью. В одних случаях, используя термин «релятив», мы подчеркиваем смысловую «относительность» обозначаемого, т. е. выражаем принципиальное недоверие к тому, что слова реляционной категории обладают смысловым потенциалом (вне контекста). В других случаях, используя тот же термин, мы акцентируем другое их свойство — то, что они являются сигналами субъективного отношения, т. е. носителями информации о позиции инициатора сообщения (говорящего), оставляющего в тексте следы рефлектирующего комментирования того или иного содержательного фрагмента сообщаемого или характера связи между фрагментами.

§ 2. Предлагаемое в данной главе теоретическое осмысление специфики реляционного значения основано на допущении, что реляционные единицы (если сознательно пренебречь функциональной дистанцией между разными их типами) выступают как носители гетерогенного начала в коммуникативном процессе. Эта мысль возникает уже тогда, когда мы пытаемся объяснить позиционное поведение реляционных вставок, которые вклиниваются в пределы синтагматически неделимого отрезка информации, как бы пренебрегая элементарными правилами соединения составляющих русской синтагмы:

Диалоги и монологи опер, иггранных мною, все-таки были написаны в известной степени по «старооперному», а Сальери целиком приходилось вести в, *так сказать*, мелодическом речитативе (Ф. Шалапин);* Я его почти выгнал, трясая от *не знаю* какого отвращения и брезгливости (А. Блок); Правда, и Маяковский и Мейерхольд закрывают глаза на некоторые его недостатки. На некоторую грубоватость, граничащую с пошлостью, за, *порой*, вульгарные отсебятины (И. Ильинский); Сильный драматизм, смелые дерзания, блеск и темпераментность музыки Скрябина (главным образом, в его крупных оркестровых произведениях) никак не вяжутся с его, *если можно так сказать*, лирически-теноровой внешностью (М. Л. Пресман); Несмотря также на свое презрение к парфюмерной тематике Игоря Северянина, я высоко ценил его неотразимую песенность и восхищался звуковой выразительностью *многих его — пусть и фатоватых — «поэз»* (К. Чуковский); Не трое тут пострадавших от, *как вы называете*, несправедливости (В. Кочетов); Для того, чтобы дело пришло к этому жалкому, тоскливому пучку цветов, который вы под названием букета пытаетесь всучить мне, за, *между прочим*, один рубль семьдесят копеек? (В. Солоухин); Я не думаю, конечно, что ты кому-нибудь разрешишь относиться к себе, как, *извини*, к веселой вдове (В. Чивилихин); Портрет в искусстве критического реализма — это не только (и, *пожалуй, не столько*) обличительный портрет (Л. С. Зингер).

Аналогичную способность («вторгаться» и «передвигаться по словесному пространству» высказывания) обнаруживают и некоторые союзы: На балы *если* вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку (Гоголь); Ты как будто считаешь себя обязанным поддерживать со мной приятельские отношения, идешь ко мне не потому, что хочется, а потому, что — черт подери, нужно, неловко, обидишь *иначе* (Л. Андреев); Я «Стрельцов» *когда* писал — ужаснейшие сны видел: каждую ночь во сне казни видел (М. Волошин).

* В книге используются примеры из картотеки, которая находится у автора.